

Василий Брусянин

На чужом берегу

В стране озёр

Василий Брусянин

На чужом берегу

«Public Domain»

1916

Брусянин В. В.

На чужом берегу / В. В. Брусянин — «Public Domain»,
1916 — (В стране озёр)

«Сегодня опять волнуется море...Насколько можно рассмотреть – бегут, гонимые ветром, тёмно-зелёные, ворчливые волны с беловатыми гребнями и набегают на песчаную отмель, шурша гравием. Всплеснётся как лента длинная волна, изогнётся горбом и разольётся по отмели тонкой плёнкой воды, прилизывая влажный песок и всё дальше и дальше относя к берегу обломки камышей, какие-то щепки, куски пробкового дерева, обрывки гнилых верёвок. Налетит волна на камни, выступающие из воды, взовьётся каскадом белых брызг и пены и опадёт, разбитая, поверженная...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

Василий Васильевич Брусянин

На чужом берегу

Сегодня опять волнуется море...

Насколько можно рассмотреть – бегут, гонимые ветром, тёмно-зелёные, ворчливые волны с беловатыми гребнями и набегают на песчаную отмель, шурша гравием. Всплеснётся как лента длинная волна, изогнётся горбом и разольётся по отмели тонкой плёнкой воды, прилизывая влажный песок и всё дальше и дальше относя к берегу обломки камышей, какие-то щепки, куски пробкового дерева, обрывки гнилых верёвок. Налетит волна на камни, выступающие из воды, взовьётся каскадом белых брызг и пены и опадёт, разбитая, поверженная.

И слышится шум, странно-протяжный, неровный и какой-то тревожный. Каждая волна несёт свой всплеск, шорох, шёпот – неразгаданные голоса моря... Голоса эти сливаются и то усиливаются, то ослабевают, и несут на берег ровный, несмолкаемый шум, заглушающий смех, говор, крик человека.

Синева неба ясная, а ближе к земле несутся громадные тёмно-серые облака с белесоватыми краями. Несутся облака и точно торопятся к далёкому северу, к белой ночи, с её бледным светом и мягкими тенями... Но белые ночи давно миновали, и короткий день осени – тусклый, почти серый и прохладный.

Солнце – низкое, холодное, неприветливое солнце севера – где-то далеко, за серыми тучами у горизонта. Серенький день пугает дождём, но дождя нет с утра. И только ветер приносит с моря мелкие капли шумливых волн.

Серые чайки, с белыми грудями и острыми крыльями носятся над морем с жалобным криком. Стоны и шорохи волн заглушают птичий робкий крик. Борются чайки с ветром, ныряют в воздухе, вскрикивают, и какой-то тревожной болью отзывается их крик в моей душе.

Берег пустынный. Месяц назад на отмели длинной лентой стояли кабинки и простые купальни, сбитые из досок. Далеко в море уходили мостки с купальными будками. Кое-где у ближайших к морю дач-особняков краснели и зеленели скамьи возле узкой песчаной дорожки, протянувшейся вдоль изгородей.

Морской пляж давно уже опустел. Дачники разъехались, не стало ни мостков, ни купален, ни кабинок...

В летние жаркие дни в море купались весёлые, смеющиеся дети дачников, и в их смехе порой я улавливал какую-то чужую мне радость... И это была детская радость, не понять её утомлённому взрослому человеку.

В серые ненастные дни осени носятся над морем серые чайки, жалобно вскрикивают, как будто им холодно или больно, и слышится в их крике печаль... Вслушиваешься в надрывный крик чаек, и кажется этот крик бездомных птиц понятным мне, одинокому, утомлённому, бездомному...

Замер берег и стал безлюдным и скучным. Прислушиваюсь к печальному крику чаек, и иду одиноко по отмели, и всматриваюсь вдаль моря, и точно ищу что-то или поджидаю кого-то...

Белый парус несётся над серым морем белым крылом. Куда несётся этот парус?.. Кто там летит на одном белом крыле?

Ни говора человеческого, ни слёз, ни смеха... Один я...

Скучен безлюдный берег. Уныла северная страна, а я благословляю её как мою вторую родину, и люблю как мать... И ничто не кажется мне здесь чужим. Всё как будто родное, как будто моё...

Носятся над пустынным берегом серые чайки и плачут о чём-то. Улетает вдаль моря белый парус – одинокое крыло усталого человека... Так кажется мне, потому что я одинок...

* * *

Сегодня я не один на морском берегу. Со мною Пекка Паю, старик-финн, лет 60. Ещё недавно, весною, мы были с ним как враги. Теперь нас сближает самая горячая дружба.

Встретил он меня на морской отмели одиноко стоявшим у волн и сказал:

– Рас-с-свуй!.. Тоишь?..

– Стою, Пекка, и слушаю, как поёт море, – отвечаю я.

Как будто не для него сказал я эти слова, а так – для себя высказал свои тайные мысли.

Улыбнулся старик кривой улыбкой, точно невзначай посмотрел мне в глаза, но с любопытством посмотрел: «Мол, что он говорить?» – и добавил:

– Растудишься... Холодно... Пойдём со мной – рыба ридет, сын ридет...

Иду с ним рядом вдоль отмели. Хрустит под ногами гравий. Ветер отдувает полы пальто, срывает с головы шляпу. Дрожь пробегает по телу. Холодно, ветрено. А серые чайки всё носятся над волнами и печально кричат.

Холодно мне, а всё же хочется идти вдоль берега вместе с Пекка. Говорим мы вообще очень мало, больше молчим, курим трубки и смотрим вдаль моря, где всё ещё белеют паруса рыбацких лодок. Всё уже, что надо было, мы давно переговорили с Пекка, и если теперь Пекка начинает разговор, то говорить только обо мне.

Он с большой заботливостью относится ко мне точно к близкому родственнику. Живу я в его громадной семиоконной избе, и для меня отведена большая комната в два окна. Комната – «лучшая», и в окна я всегда вижу широкое море.

Узнал Пекка – кто я и почему живу на чужом берегу, и стал относиться ко мне с особой лаской. Мы – люди разных национальностей, он плохо говорить по-русски, я почти ничего не понимаю по-фински, а духовная связь обнаружилась между нами, и мы любим друг друга.

Милый старик Пекка! Навсегда у меня останутся тёплые о нём воспоминания.

Устало и неровно шагая по гравию, он идёт рядом со мною и кутается от холода в воротник своего короткого пиджачишка.

Он всегда угрюм, никогда не улыбается, скуп на слова, а если скажет мне что-нибудь, то непременно ласковое. И желтоватое, морщинистое лицо его всегда угрюмо-покойно и похоже на лицо строгого пастора: бороду и усы он бреет, а подбородок его застыл в какой-то особенной строгой складке.

Впервые мы встретились с ним как враги на этой же отмели. Это было в белую ночь.

* * *

Белая ночь... Ровный белесоватый свет над безмолвной спокойной равниной вод. Над морем безоблачное небо, бледное, немое, с лёгкими бледно-розовыми облачками на северо-западе. И ни одной звёздочки... Как будто не ночь, и на серенький день не похоже: ровный свет без оттенков, мягкие тени без резких границ.

Направо у воды высокие прибрежные скалы с растущими на них соснами. А дальше лес по склону холма, и виднеются из-за его зубцов кровли дачных построек. Берег пустынный, и дач здесь немного. Дачный посёлок с нарядными дачницами, граммофонами, с купальнями и кабинками – за лесом, километрах в двух.

Я любил бродить в этом пустынном уголке. Редко-редко встретишь здесь рыболовов из соседней деревушки, и деревушка маленькая – всего домов шесть-семь.

С самой весны мечтал о переселении из шумного пансиона в это уединённое рыбацье селение. В пансионе живут люди чуждые мне, и среди них я всё равно одинок.

И моё одиночество совсем особенное, так сказать, вынужденное. Приходится прятаться от людей и с подозрительностью относиться к новым знакомым. И среди рыбаков я буду одинок, но знаю я – никто меня не спросит, зачем я живу здесь? Рыбаки будут плохо понимать мою речь, но от этого моя жизнь не станет хуже. Кое-как при помощи жестов и намёков мы всё же будем понимать друг друга, живя же среди петербуржцев и говоря с ними на одном языке, мы часто не понимаем друг друга. Кроме того, я люблю этот язык жестов и намёков. В словах больше зла, притворства и лжи, попробуй-ка солгать жестом или намёком? – нелегко!

Иду по песчаной отмели, вблизи деревушки, иду под холмом со скатами скал к самой воде, иду и мечтаю о том, когда переселюсь к рыбакам? Полчаса назад проходил селением, мимо серых домиков, всматривался в окна и соображал, в какой избе удастся мне поселиться?

Окна домов как глаза чуждых мне людей смотрят бесстрастно. Чужие мне люди, что я могу найти под вашим кровом?..

Шёл по отмели, думал о чужих мне людях и не заметил, как забрёл на сети, разостланные по песку. Как рыба попался в рыбачью сеть.

Слышу странный оклик со стороны всегда безмолвных скал. Слов речи не могу понять, но по тону догадываюсь, что кто-то бранит меня. И в ту же секунду я соображаю, за что меня бранят: попал в сети как никому ненужная рыба, как бревно или доска, которая легко может продрать тонкое плетение.

Странная серая фигура отделилась от скал. Приближается ко мне странная фигура, странно машет руками, кричит что-то... Вот улавливаю я и слова:

– Сети ломал... Перкола!..¹

И дальше слышу я ряд русских, бессмысленных трескучих слов матерной брани. Лёгкий ветерок утра не в силах отнести от меня тяжёлой русской брани. Как давно я не слышал этой брани, и мне было так приятно забыть о ней. И почему эта брань здесь, в глухом уголку Финляндии? Проклятый сородич, во все уголки мира занесло твою бессмысленную брань!

¹ фин. Perkele – Чёрт. Прим. ред.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.